

№ 8. — БИБЛИОТЕКА «ЖИЗНЬ»

ORGANISATION RÉVOLUTIONNAIRE «LA TERRE ET LE TRAVAIL»

Prix: 40 коп., 80 pf., 20 cts., 1 fr.

№ 322

Е. А. СЕРЕБРЯКОВЪ.

Общество „Земля и Воля“.

ИЗДАНИЕ СОЦИАЛДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ЖИЗНЬ».

ЛОНДОНЪ:

Типографія «Жизни».

1902.

Поступили въ продажу слѣдующія изданія социал-демократической организаціи „Жизнь“.

„Жизнь“ № 1, апрѣль, 1902 года. Цѣна 5 фр.

„Жизнь“ № 2, май, 1902 года. Цѣна 5 фр.

„Жизнь“ № 3, июнь, 1902 года. Цѣна 5 фр.

„Первое Мая“, маевскій иллюстрированный листокъ „Жизни“. Цѣна 1 франкъ.

Листки „Жизни“ вышлѣнныя №№ 1, 2, 3, 4 и 5. Цѣна 10 сант. каждый.

БИБЛИОТЕКА «ЖИЗНИ».

№ 1. „Ткачи“, драма Г. Гаухмана, съ двумя иллюстраціями. Цѣна 2 франка.

№ 2. „Бабель о Бернштейнѣ“, съ портретомъ А. Бабеля. Цѣна 2 франка.

№ 3. „Пролетаріатъ и Армія“, Гюберта Лагарделя. Цѣна 2 франка.

№ 5. „Сказка про то какъ царь Ахреянъ ходилъ Богу жаловаться“, П. Барыковомъ. Цѣна 10 сант.

№ 6. „Благотворительность“, Разсказы П. Гиза, Перев. съ французск. А. М. Цѣна 10 сант.

№ 8. Общество „Земля и Воля“, Е. А. Серебрякова. Цѣна 1 фр.

ПОРТРЕТЫ И КАРТИНЫ.

А. Бабель, портреты. Цѣна 10 сант.

Л. Н. Толстой на берегу моря. Цѣна 10 сант.

Соціалдемократія и самодержавіе (большой формат). Цѣна 20 сант.

Возставшій народъ съ убитыми товарищами передъ окнами прусскаго короля. Цѣна 10 сант.

Матильда Хицфельдъ на Кирхеймболянденской баррикадѣ. Цѣна 10 сант.

Демократъ Якоби и прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ IV. Цѣна 10 сант.

Печатаются:

„Жизнь“, № 4, июль, 1902 года.

Листки „Жизни“, № 6.

№ 7. „Изъ жизни духовенства“, (сборникъ).

№ 8. „Дѣло Павловскихъ крестьянъ“.

№ 9. „Къ друзьямъ“.

№ 10. „Стачка и бойкотъ“.

№ 11. „Рабочіе союзы“.

№ 8. — БИБЛИОТЕКА «ЖИЗНИ». — № 8.

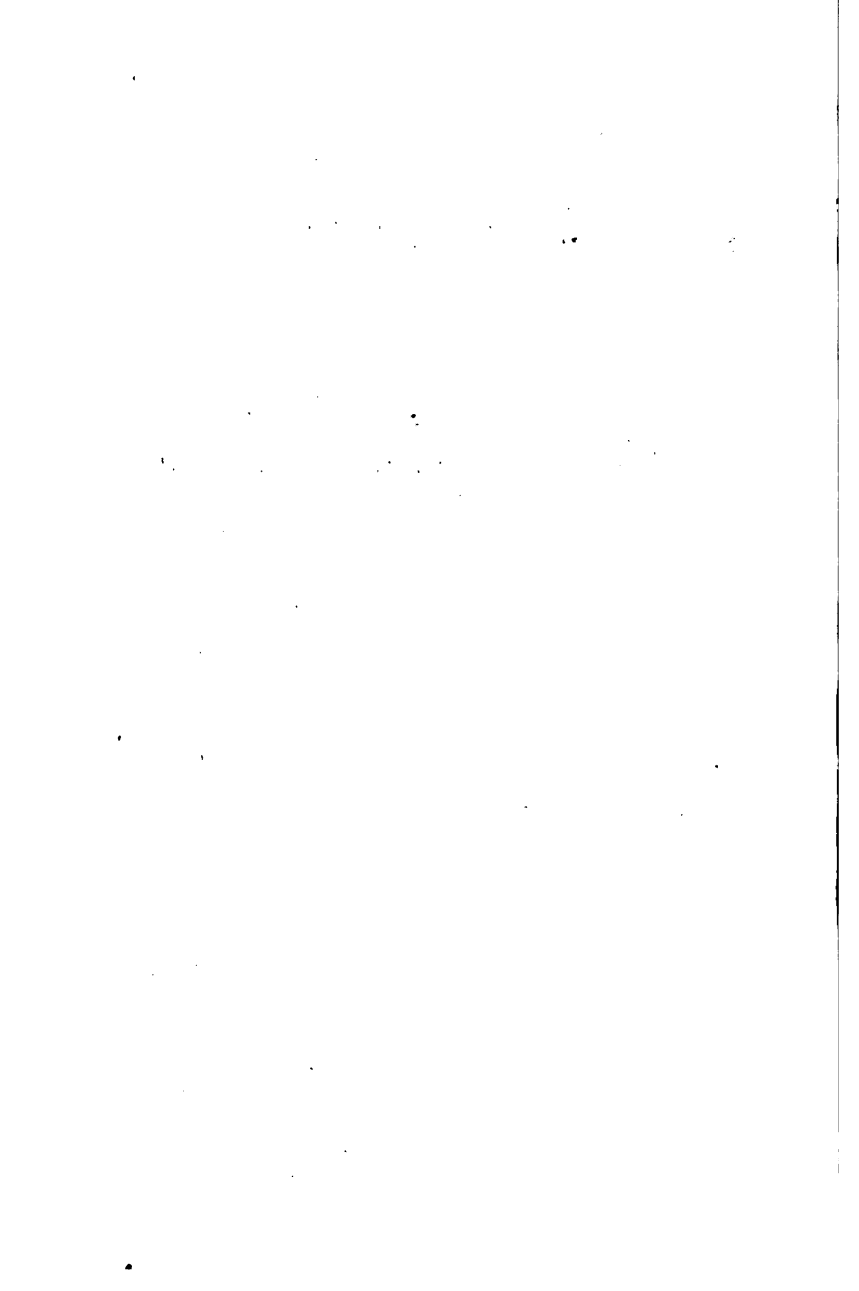
Е. А. СЕРЕБРЯКОВЪ.

Общество „Земля и Воля“.

ИЗДАНИЕ СОЦИАЛДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ЖИЗНЬ».

ЛОНДОНЪ.
Типографія «Жизни».

1902.

Общество «Земля и Воля» *).

I

Массовое движеніе русской социалистической молодежи въ народъ съ цѣлью пропаганды окончилось весною 1874 года страшнымъ погромомъ. Около тысячи человѣкъ было арестовано; а немногіе уцѣлѣвшіе пропагандисты должны были спастись въ города, ибо и прежде трудное пребываніе въ деревнѣ сдѣлалось совершенно невозможнымъ въ эту минуту. Правительство забило тревогу; сыщики и жандармы стали рыскать по всѣмъ угламъ Россійской Имперіи; мѣстныя власти насторожили уши; со всѣхъ сторонъ посыпались анонимные и открытые доносы, — такъ что не только съ цѣлью пропаганды, но даже безъ всякой цѣли интеллигентъ не могъ показаться въ незнакомую деревню, не рискуя быть схваченнымъ и доставленнымъ куда слѣдуетъ.

Арестовавъ тысячу человѣкъ, правительство думало, что нанесло смертельный ударъ русской революціи. Но въ дѣйствительности оно этими арестами только ускорило переходъ русской революціонной партіи изъ одного фазиса въ другой. Уцѣлѣвшіе пропагандисты не пали духомъ и не потеряли вѣры въ свое дѣло. Они даже, какъ будто, прониклись новой энергіей. Возвратившись въ города, пропагандисты первымъ дѣломъ принялись за пополненіе своихъ рядовъ, сильно порѣдѣвшихъ. Пополнить ихъ они, конечно, могли прежде всего только въ той средѣ, изъ

*) Очеркъ общества „Земля и Воля“ былъ напечатанъ въ № 4 „Матеріаловъ для исторіи Русскаго Соціально-Революціоннаго движенія“ (Изданіе группы старыхъ народолюбцевъ, 1894 года. Женева). Въ настоящемъ изданіи онъ пересмотрѣнъ и дополненъ авторомъ, товарищемъ Е. А. Серебряковымъ.

которой вышли сами, т. е. среди учащейся молодежи. Обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали имъ: съ одной стороны, осенью 74 года былъ невольнотно большой наплывъ молодежи въ университетскіе города, особенно въ Петербургѣ, гдѣ Медицинская Академія и Технологическій Институтъ стали принимать гимназистовъ, не имѣвшихъ аттестата зрѣлости; съ другой, безпорядки, возникшіе въ Медицинской Академіи влѣдствіе арестовъ нѣсколькихъ студентовъ за демонстрацію противъ Ціона, привели къ закрытію всего заведенія, что вызвало сильное броженіе и недовольство между молодежью. Взволнованная молодежь была весьма воспримчива къ пропагандѣ социалистическихъ идей и убыль революціонеровъ быстро пополнилась съ избыткомъ.

Но многихъ изъ побывавшихъ въ народѣ социалистовъ занимало не одно пополненіе рядовъ. Приходилось подводить итоги и думать о новомъ пути. Невольно возникалъ вопросъ: неужели такъ будетъ дальше? Болѣе тысячи человѣкъ погибло, а кого они распропагандировали? Какіе результаты принесла эта пропаганда? Почти никакихъ. И приходилось сознаться, что дѣло велось слишкомъ наивно, да иначе и не могло быть. Молодые горячіе юноши, проникнутые идеей общественнаго переустройства, думали, что, стоитъ имъ надѣть мужицкую одежду, научиться немного физическому труду, — и путь въ крестьянскую среду и къ сердцу народа для нихъ открытъ. Хотя сколько-нибудь централизованной организаціи и дисциплины не только не существовало, но большинствомъ эти вещи принципиально отрицались. Дѣло обстояло такъ: была масса независимыхъ группъ, сильно отличавшихся между собою какъ по числу, такъ и по составу членовъ; люди группировались не согласно общему организаціонному плану, а на основаніи личныхъ симпатій и дружбы; общее направленіе всѣхъ этихъ группъ было социалистическое. Всѣмъ признавалось необходимымъ сбросить съ себя барскую оболочку и подъ видомъ простыхъ рабочихъ идти пропагандировать въ народъ. Но на степень обязательной для пропагандиста научной подготовки и роли его въ народѣ существовали самыя разнообразныя взгляды, которые въ общемъ складывались, впрочемъ,

въ два главных теченія, лавристовъ и бакунистовъ. Лавристы, какъ послѣдовательные пропагандисты, видѣли въ пропагандѣ главное средство, могущее вести къ радикальному измѣненію современнаго строя. Они признавали, что только сознательное усвоеніе социалистическихъ идей большинствомъ народа можетъ обезпечить успѣхъ революціоннаго возстанія и выработки новаго порядка вещей. Бакунисты утверждали, что народъ самъ знаетъ свое положеніе, а что миссія пропагандиста главнымъ образомъ агитаціонная: онъ долженъ лишь указать народу на возможность выхода изъ настоящаго положенія путемъ всеобщаго возстанія. Что-же касается будущаго строя, то бакунисты ничего не предпрѣшали: по ихъ мнѣнію народъ самъ, безъ всякихъ указокъ, сдѣлаетъ опредѣлить и создать совершенный типъ общественной организаціи. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ направленій была масса кружковъ всевозможныхъ оттѣнковъ. Всѣ эти кружки, — а во многихъ случаяхъ и отдѣльныя лица, — дѣйствуютъ совершенно самостоятельно, каждый по своему. Кто изъ революціонеровъ идетъ къ сектантамъ; кто ведетъ дѣло осторожно, сначала намѣчая въ народѣ годныхъ для пропаганды лицъ и потомъ уже входя съ ними въ сношенія; а кто сзываетъ въ деревняхъ сходъ, читаетъ прокламаціи или держитъ рѣчь; иной, наконецъ, и просто разбрасываетъ и раздаетъ революціонныя книги, гдѣ и какъ попало.

Не сознавая еще ясно необходимости общей организаціи и дисциплины, а подчасъ и отрицая въ теоріи эту необходимость, пропагандисты на практикѣ вынуждены были постоянно приходить въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, вести сношенія въ виду того или другого содѣйствія, или для полученія того или другого свѣдѣнія. А это влекло за собою, вслѣдствіе отсутствія объединяющаго центра, обширную переписку, встрѣчу массы посредниковъ: изъ-за какой-нибудь ничтожной справки, полученія тѣхъ или другихъ книжекъ, пропагандисту нерѣдко приходилось входить въ сношенія чуть-ли не съ цѣлой сотней лицъ. Въ концѣ концовъ пропагандисты и безъ организаціи оказались связанными другъ съ другомъ, во многихъ случаяхъ, даже не подозревая этого. Получилась какая-то странная организація, при которой каждый

дѣлаетъ что хочетъ, но его ошибки и промахи отзываются на всѣхъ. Это-то и дало возможность правительству произвести почти одновременно аресты по всей Россіи и забрать сразу до тысячи пропагандистовъ: захвативъ одно лицо, оно за нимъ тянуло цѣлую вереницу лицъ, а за этими новыхъ, и новыхъ, и такъ безъ конца. Постепенно революціонеры стали приходить къ заключенію, что бродячая пропаганда, да еще вразсыпную, безъ организаціи, безъ общаго плана дѣйствія, не приведетъ ни къ чему другому, какъ къ бесполезнымъ проваламъ.

Но не только способъ пропаганды, — и сама пропаганда начала подвергаться критикѣ. Сталкиваясь съ народомъ, пропагандисты волей-неволей должны были убѣдиться въ неподготовленности массъ къ воспріятію соціалистическаго ученія въ его цѣломъ. Вотъ что пишетъ по этому поводу въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ пропагандистовъ *): «Были пропагандисты талантливые, умные и производили впечатлѣніе несомнѣнно глубокое. Но что говорили пропагандисты народу? Какія ихъ рѣчи приходились ему больше всего по душѣ и раскрывали ее, душу-то народную? Не *соціализмъ* и не *анархія*, конечно, а самые животрепещущіе вопросы его повседневной сѣрой жизни: безземеліе и тягота податей были всегдашнимъ предметомъ постоянныхъ и нерѣдко задушевныхъ бесѣдъ. Здѣсь пропагандистъ былъ неуязвимъ: знаніе, которымъ онъ обладалъ, давало ему возможность обобщить данные частные факты и освѣтить ихъ болѣе яснымъ свѣтомъ. И чѣмъ талантливѣе былъ пропагандистъ, чѣмъ ярче его рѣчь и остроумнѣе сопоставленія, тѣмъ болѣе онъ овладѣвалъ вниманіемъ своихъ слушателей. Но стоило только тому-же пропагандисту перейти на почву соціализма, какъ все совершенно измѣнялось. Не то, чтобы его не хотѣли совсѣмъ слушать („пошто не послухать?“) — а слушали, какъ обыкновенно слушаютъ занятную сказку: „не люблю — не слушай, а лгать — не мѣшай“. Пропагандисты тогда-же почувствовали, что тутъ кроется что-то неладное, но торопливость, съ какою велась пропаганда, не позволяла вдуматься въ глубо-

*) Неизданныя «воспоминанія» одного землепольца.

кое значеніе этого факта, проанализировать его съ необходимою серьезностію.»

Итакъ, какъ результатъ наблюденія въ народѣ, среди революціонеровъ постепенно стало слагаться убѣжденіе, что пропаганда социалистическихъ идей въ полномъ ихъ объемѣ не можетъ, при теперешнемъ развитіи народа, имѣть успѣхъ; но что общественный идеаль, который живетъ въ народѣ въ настоящее время, по существу не противорѣчитъ требованіямъ социализма; что общинные порядки и правовые его взгляды (напримѣръ, значеніе „трудоваго начала“ въ обычномъ правѣ) могутъ послужить основаніемъ для перехода отъ настоящаго строя къ социалистическому,—нужно только уничтожить все, препятствующее развитію „истинныхъ народныхъ стремленій“, т. е. избавить его отъ экономического и политическаго гнета государства; что это должно быть и можетъ быть произведено только самимъ народомъ; и что надо, слѣдовательно, сорганизовать въ народѣ силу, могущую противостоять правительственной организаціи, а для этого необходимо вести агитацію на почвѣ народныхъ интересовъ. Это убѣжденіе все болѣе и болѣе выяснялось, все болѣе и болѣе приобрѣтало послѣдователей и къ 1876 году подъ именемъ „народничества“ охватило почти всѣхъ социалистовъ-революціонеровъ того времени, кромѣ лавристовъ.

По мѣрѣ того, какъ развивалось народничество, само собою разумѣется, оно требовало отъ революціонеровъ новой тактики. Въмѣсто кочевой пропаганды изъ села въ село была необходима осѣдность въ деревняхъ, въ видѣ устройства мастерскихъ, поселеній; необходимо было занятіе мѣстъ фельдшеровъ, фельдшерицъ, волостныхъ писарей и прочее. Для того чтобы организовать народъ, надо было имѣть прочное положеніе среди него въ данной мѣстности. Та-же идея организаціи народа требовала не одиночекъ-поселенцевъ, а группъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, какъ результатъ всего этого, росло сознаніе необходимости болѣе правильной общей организаціи самихъ революціонныхъ силъ. Къ осени 1876 года это сознаніе настолько выяснилось, что перешло на реальную почву: организовалось общество „Земля и Воля“, являющееся представителемъ второго періода революціонной дѣятельности „народничества“.

II.

Въ это время въ Петербургѣ существовалъ кружокъ, образовавшійся изъ остатковъ чайковцевъ и нѣкоторыхъ другихъ присоединившихся къ нему лицъ. Существовалъ онъ съ 75-го года и приобрѣлъ себѣ нѣкоторую извѣстность въ революціонномъ мірѣ устройствомъ побѣга Кропоткина и участіемъ въ демонстраціи по случаю смерти Чернышева. И вотъ когда наэрѣла потребность въ объединеніи революціонныхъ силъ въ правильную организацію, этотъ кружокъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, довольно тѣсно связанными съ нимъ, кружками Петербурга и Москвы, явился центромъ объединенія.

Осенью 1876 года пріѣхали въ Петербургъ представители отъ харьковско-ростовскихъ кружковъ (въ томъ числѣ Осинскій и Боголюбовъ), чтобы вступить въ переговоры съ этой группой петербургско-московскихъ кружковъ. Начатые переговоры окончились полнымъ соглашеніемъ. Харьковско-ростовскіе кружки вполнѣ присоединились къ сѣвернымъ, образовавъ вмѣстѣ съ ними общество „Земля и Воля“.

Вотъ какъ описываетъ свои впечатлѣнія о моментѣ созданія этой организаціи только-что пріѣхавшій въ Петербургъ Александръ Михайловъ въ своей автобіографіи:*) «Одними изъ моихъ первыхъ знакомыхъ были Оболяшинъ (Сабуровъ) и его компанія, Михаилъ Поповъ съ компаніей, Иви—чъ и Соловьевъ, Ольга Натансонъ и ея друзья. Эти нѣсколько человѣкъ были вполнѣ одномыслящими, но такъ какъ среди нихъ были люди во всемъ выше меня стоявшіе, то я сталъ ихъ самымъ дѣятельнымъ помощникомъ. Въ теоріи выдвигалось новое народническое направленіе, чрезвычайно мнѣ сочувственное; на практикѣ строилась организація, соотвѣтствовавшая моимъ мечтамъ. Я пользовался довѣріемъ и могъ прилагать свои силы къ самымъ интимнымъ революціоннымъ дѣламъ. Я былъ счастливъ, что стоялъ на желанной дорогѣ; я уважалъ и высоко цѣнилъ своихъ новыхъ товарищей. Но и въ новой средѣ я, Оболяшинъ и Ольга Натансонъ выделялись горячимъ отношеніемъ къ организаціоннымъ

*) „На Родинѣ“, № 3 стр. 16.

задачамъ. Въ кружкѣ народниковъ, который легъ въ основаніи проекта организациі революціонныхъ русскихъ силъ и въ который я, вмѣстѣ съ другими упомянутыми лицами, вошелъ какъ членъ-учредитель, всѣ мои помыслы были сосредоточены на расширеніи практической выработки и развитія организациі. Въ характерахъ, привычкахъ и нравахъ самыхъ видныхъ дѣятелей нашего общества было много явно губительнаго и вреднаго для роста тайнаго общества; но недостатокъ ежиминутной осмотрительности, разсѣянность, а иногда и просто недостатокъ воли и сознательности мѣшали передѣлкѣ, перевоспитанію характеровъ членовъ соотвѣтственно организациі мысли. И вотъ я и Оболяшинъ начали самую упорную борьбу противъ широкой русской натуры. И надо отдать справедливость—едва-ли можно было сдѣлать съ нашими слабыми силами болѣе того, что мы сдѣлали. Сколько выпало на нашу долю непріятностей, иногда даже насмѣшекъ! Но все-таки, въ концѣ концовъ, сама практика заставила признать громадную важность для дѣла нашихъ указаній, казавшихся иногда мелкими. Мы также упорно боролись за принципы полной кружковой обязательности, дисциплины и нѣкоторой централизованности. Это теперь всѣми признанныя истины, но тогда за это въ своемъ-же кружкѣ могли глаза выцарапать, клеймить якобинцами, генералами, диктаторами и прочими. И опять таки сама жизнь поддержала насъ—эти принципы восторжествовали».

Общество „Земля и Воля“ имѣло цѣлью объединить всѣ революціонные элементы въ одну партію и двинуть ихъ на работу въ народныхъ массахъ, съ цѣлью организовать тамъ такую силу, которая сѣумѣла-бы въ благопріятный моментъ или сама вызвать всеобщее возстаніе, или-же, воспользовавшись самостоятельнымъ возстаніемъ, дать возможность этому возстанію побѣдить правительство. Программа общества была такова:

Программа Стѣверно-русскаго общества

« Земля и Воля ».

« Вѣковой разладъ свой съ государствомъ и высшими классами русскій народъ выразилъ въ революціонной формулѣ « Земля и Воля ».

« Эта формула служила девизомъ классовыхъ народ-

ныхъ движеній и, въ сжатомъ видѣ, выражаетъ всѣ стремленія и требованія, до которыхъ додумалась самобытная народная мысль, возвышалась народно-революціонная инициатива.

«Становясь на сторону народа, революціонная интеллигенція не можетъ игнорировать формулы выраженія народныхъ воззрѣній и народнаго недовольства, сохранившей все свое значеніе и до настоящей минуты.

«Эта формула должна служить девизомъ объединенія революціонной интеллигенціи съ угнетеннымъ народомъ.

«Сѣверно-русская революціонная организація социалистовъ-федералистовъ пишетъ ее на своемъ знамени, считая, однако, своею обязанностью освѣтить и расширить эту формулу на основаніи выводовъ и данныхъ современнаго социализма.

«Поэтому общество «Земля и Воля» объявляетъ себя солидарнымъ съ программю «русскихъ социалистовъ-федералистовъ», а вслѣдствіе этого и съ принципами Международной Ассоціаціи Рабочихъ.

«Взвѣсивая различныя стороны современныхъ общественныхъ отношеній въ сѣверной Россіи*) съ точекъ зрѣнія, изложенныхъ въ программѣ русскихъ социалистовъ-федералистовъ руководящихъ принциповъ, общество «Земля и Воля» признаетъ:

«а) такъ какъ въ настоящее время крестьянство составляетъ въ этой части Россіи коренную силу въ экономическомъ и численномъ отношеніяхъ;

«б) такъ какъ, вслѣдствіе своихъ исконныхъ воззрѣній на трудъ, какъ на единственную основу движимой и недвижимой собственности, крестьянство не признаетъ права на землю за тѣми, кто не обрабатываетъ ее своими руками;

«в) такъ какъ это противорѣчіе между правовыми воззрѣніями крестьянства и высшихъ классовъ выражается въ повсемѣстномъ почти и очень напряженномъ ожиданіи земельного передѣла, т. е. отобранія

*) Называя себя Сѣверно-рускимъ, общество «Земля и Воля» относитъ къ району своей дѣятельности и мѣстности юго-восточной Россіи, въ которыхъ условія быта сельскаго населенія приняли формы, характеристичныя для русскаго сѣвера.

земли у высшихъ сословій и передачи ея въ руки земледѣльцевъ;

«г) такъ какъ вслѣдствіе сохраненія поземельной общины, какъ преобладающей формы крестьянскаго землевладѣнія въ сѣверо-восточной Россіи, переходъ земли въ руки народа знаменовалъ бы собою уничтоженіе частнаго землевладѣнія и замѣну его коллективнымъ;

«д) такъ какъ при современномъ состояніи орудій народной промышленности, артельная организація промысловъ является слѣдствіемъ общинныхъ привычекъ народа, выросшихъ на почвѣ коллективнаго землевладѣнія;

«е) такъ какъ трудящееся населеніе центровъ крупной промышленности въ сѣверо-восточной Россіи не разорвало еще связи съ деревней и, кромѣ того, по своей малочисленности не можетъ даже начать борьбы за свои интересы, помимо союза съ крестьянствомъ;

«—то, на основаніи всего вышесказаннаго возможно скорѣйшее совершеніе ожидаемой народной аграрной революціи было-бы весьма существенно, какъ переходная ступень для полнаго переустройства общества на социалистическихъ основаніяхъ. А потому сосредоточеніе главныхъ силъ общества «Земля и Воля» въ деревнѣ съ цѣлью агитаціи на почвѣ вышеуказанныхъ требованій земельного передѣла и организаціи народно-революціонныхъ силъ является одною изъ главнѣйшихъ задачъ его.

«Необходимымъ дополненіемъ къ революціонной дѣятельности въ деревнѣ общество «Земля и Воля» считаетъ пропагандистическую, агитаціонную и организаторскую дѣятельность въ средѣ промышленныхъ рабочихъ.

«Примѣчаніе. Что касается агитаціи между городскими рабочими, то, въ виду отсутствія въ этой средѣ такихъ общераспространенныхъ требованій какъ земельный передѣлъ въ крестьянствѣ, агитація на почвѣ частныхъ поводовъ недовольства—стачки, вопросъ о заработной платѣ, величина рабочаго дня и прочее—пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе. Пріемы революціонной дѣятельности общества «Земля и Воля» должны разнообразиться согласно мѣстнымъ